

15. Государственная Программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы: Официальное издание. – Мн.: Беларусь, 2005. – 96 с.
16. Текущий архив Минсельхозпрода Республики Беларусь // Справка-информация о развитии новых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе Беларуси на 1 января 2001 года.
17. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2004 г.: Стат. сб./ Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Мн., 2004. – 611 с.
18. Государственная программа реформирования АПК Республики Беларусь. Основные направления на 1996–2000 годы. – Мн.: БелНИИЭИ АПК, 1996. – 24 с.

УДК 32:316.77

Харитонович С.С.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕЁ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДА

Идентичность является одним из важнейших механизмов личностного освоения социальной действительности, лежащего в основе формирования системы личностных смыслов. В соответствии с субъективно определяемыми идентификациями человек организует и направляет свое поведение. Идентификация с большой социальной общностью может служить достаточно сильным катализатором массового поведения и политического действия.

Согласно определению А. Турена, "идентичность – осознанное самоопределение социального субъекта"[1], следовательно, идентификация – это процесс эмоционального и иного самоотожествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образцом, интериоризации занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей. [2]

Понятие "идентификация" было впервые введено в научный оборот З. Фрейдом в 1921 г. в эссе "Психология масс и анализ Я". Исследователи отмечают при этом, что З. Фрейд вкладывал в него содержание близкое по смыслу понятию "подражание", ключевому для теории Г. Тарда. В частности, Элленбергер пишет: "То, что Тард называл подражанием, Фрейд назвал идентификацией, и во многих отношениях похоже, что идеи Фрейда это и есть идеи Тарда, выраженные в психоаналитических понятиях". [3]

Функция процесса идентификации двойственна. Во-первых, он включен в процесс социализации человека. Во вторых, выполняет защитную (адаптивную) функцию. Разрыв идентичностей, даже их ослабление преобразует повседневное окружение человека в чужой, непонятный и враждебный мир.

Идентичность личности предполагает, следовательно, гармонию присущих ей идей, образов, ценностей и поступков с доминирующим в данный исторический период социально-психологическим образом человека, принятие ей социального бытия как своего. [4]

Известно, что универсальной формулой самосознания и самоидентификации любой общности людей (или групповой идентичности) является формула "мы", включающая представления о консолидирующих признаках. Однако процесс групповой идентификации, самоопределения "мы" с необходимостью предполагает распознавание позитивно или негативно значимых "обобщенных других" (Д. Мид).[5]

Согласно точке зрения Д. Мида, человек обретает собственное "социальное Я" лишь в групповом действии, как бы примеряя на себя роли "обобщенных других".

Следовательно, "мы" с необходимостью предполагает психологическую оппозицию - "они" (включающую представления о дифференцирующих признаках), поскольку общность "мы" не может быть определена вне "значимого другого" (Т. Парсонс). "Они" – это социальная общность, имею-

щая иной, более или менее отличный, образ жизни, язык, культуру, иные экономические, политические и другие интересы и цели, иные ценности и имидж.

Однако, необходимо подчеркнуть, что позитивная идентичность – это, прежде всего, осознанная общность с позитивно значимыми другими (с "мы"), без жесткого противопоставления "мы" – "они". Негативная же идентичность – это консолидация общности "мы" на основе тотальной оппозиции негативно значимым другим ("они"). В этом случае общность "мы" возникает и существует преимущественно благодаря жесткому противостоянию общности "они". Отсюда относительная неустойчивость негативной идентичности, "размывается" негативный образ "они" – исчезает и фундамент такой идентичности (правда, как показывает политическая практика, один негативный образ "они" может быть достаточно легко заменен другим). [6]

Конфигурации идентичностей связаны с ориентацией на определенные адаптационные стратегии, а индивиды рассматриваются как социальные факторы, которые через соответствующее своему статусу ролевое поведение обеспечивают функционирование социальной системы. Таким образом, можно сказать, что идентичность – это символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других.

Идентификация невозможна вне сравнения, вне коммуникации. Поэтому стоит отметить, что с развитием телекоммуникационных технологий меняется и характер оснований для идентификации.

Современная социальная структура становится более фрагментированной и сложной. Классовая структура заменяется статусной иерархией, которая формируется уже не только на основе профессий, но и на основе образования, уровня культуры и ценностных ориентаций. Именно культурная идентичность становится основой системы социальной иерархии. Ось социального конфликта пролегает по линии обладания – необладания контролем над информацией.[7] Существенные изменения претерпевают типы организации и управления, происходит переход от иерархической к сетевой организации.

Проблемы политической идентификации в отечественной политологии стали активно обсуждаться в последние 5-7 лет. Эта тема исследуется как в рамках символического интеракционизма, функционализма, постструктурализма, так и в рамках методологии неомарксизма. Европейская традиция наиболее тесно связана с постструктурализмом (П. Бурдьё), американская политологическая школа наиболее плодотворно работает в направлении функционализма. Российские политологи (например, В. Рукавишников) в большей степени тяготеют к американской традиции, некоторые обращаются к символическому интеракционизму, и лишь немногие (Н.

*Харитонович Сергей Степанович, старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.
Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.*

Шматко, Ю. Качанов) — к европейской традиции постструктурализма.[8]

В рамках символического интеракционизма идентичность предполагает “отнесение к себе действий, прав, обязательств, готовность стязать функции, ответственность, осуществлять выбор”. В становлении личности человека предполагается существование нескольких уровней, связанных с процессом идентификации. На первой ступени происходит идентификация Я с предметной средой (Я есть ...). Вторая ступень предполагает самообозначение Я посредством противопоставления себя и себе подобных иным (другим, чужим, врагам и т.д.). Третий этап предполагает “выстраивание” образа мира в соответствии с “персональной перспективой”, с потребностью “быть представленным” в этом мире и утвердиться в нем. На четвертой ступени человек оказывается способным соотносить эту “созданную реальность” с личным практическим опытом и внести в нее (т.е. в собственные представления) изменения. Политическая идентификация предполагает развертывание тех же четырех стадий.

Классик символического интеракционизма Дж. Мид утверждал, что в идентичности проясняется точка зрения и позиция другого человека по отношению к нам, поскольку мы применяем чужие точки зрения и позиции по отношению к самим себе (окольный путь “через других” позволяет стать для себя самого объектом). Идентичность и интеракция постоянно переходят друг в друга. Идентификация включает в себя подражание важным представителям общества (референтной группе), при осуществлении которого происходит “присвоение” индивидом одновременно множества социальных ролей. Организованное сообщество, или социальная группа, предоставляет личности целостную идентичность “обобщенного другого”. Конечная ступень идентификации достигнута, когда индивид может войти в политическую жизнь общества и не только рефлексировать по поводу своей реакции на конкретные события или политические институты, но и учитывать при этом нужды, потребности, требования социальной группы, законов, организации, государства и даже всего мирового сообщества.

Зрелая личность включает в себя рефлексивное Я (общественный аспект идентичности) и импульсивное Я (уникальное в личности), находящиеся в гармоничном равновесии друг с другом. Предпосылкой формирования идентичности, по Дж. Миду, является несоответствие индивида требованиям общества.

П. Бергер и Т. Лукман в рамках теории социального конструирования поставили вопрос о необходимости обсуждения проблемы идентичности человека только в контексте описания конкретного общества. Формирование идентичности рассматривается этими авторами как элемент общей социализации (политической идентификации — в процессе вторичной социализации) человека, происходящей в течение всей его жизни. Идентичность невозможно поддерживать без участия других людей. Люди интерпретируют собственную субъективную реальность так, чтобы не разрушить стабильность и естественность повседневной жизни.

Идентичность личности в современном обществе открыта для любого внешнего воздействия. А потому может быть поставлен вопрос об устойчивости идентичности и даже о возможности ее возникновения вообще. В современных условиях возникает ситуация “отказа от идентичности” для сохранения целостности личности. И. Гофман обратил внимание исследователей на тот факт, что при обретении идентичности (или “угрозе” идентичности) человек вынужден решать самый сложный вопрос о том, как можно балансировать между двумя иллюзиями — между нормальностью (обычностью) и уникальностью собственной личности. Люди стремятся не привлекать к себе слишком сильное внимание, но в то же время боятся затеряться среди публики и принимают усилия для

создания дистанции, отделяющей их от массы. Никто не желает быть совершенно незаметным и в то же время полностью отличаться от других. Для Гофмана проблема идентичности — проблема самобытности личности и возможности ее существования. Важным положением символического интеракционизма является представление авторов этого направления о множественной идентичности личности.

Постструктурализм предполагает идентификацию посредством соотнесения себя с людьми со сходными социальными качествами и жизненной траекторией, так называемое конструирование классов. Политическая идентичность — частный случай социальной идентичности, она рациональна и рефлексивна по своей природе. Эта характеристика является символическим средством объединения с одними и дистанцирования от других агентов поля политики, важнейшим средством мобилизации индивидов для политической деятельности. Образы “значимых других” представляют собой персонализированные политические позиции агентов поля политики.

Отождествление себя с определенной политической позицией во многом определяется индивидуальной социальной траекторией, биографическим опытом, усвоенными схемами восприятия и оценки политических ситуаций и условий политической практики, стереотипами поступков в определенных ситуациях. Иногда при этом индивид частично, неосознанно, а порой и чисто внешне использует определенный тип политической идентичности.

В рамках постструктурализма ставится вопрос и о соотношении ситуационной и базисной политической идентичности. Ситуационная политическая идентичность непосредственно связана с актуальной политической практикой, для ее изменения достаточно профессионально навязанных извне с помощью манипулятивных методов “правильных” схем анализа ситуации и “правильного” же политического решения. Надситуационная политическая идентичность связана со всем политическим опытом человека. Она фиксирует “значимость” для индивида определенных политических отношений.

Ситуационные политические идентичности являются исходным материалом для выстраивания надличностной политической идентификации человека, они должны быть осмыслены и приняты им, распространены на все похожие ситуации. Формирование базисной политической идентичности происходит в процессе политической социализации индивида. Надситуационная политическая идентичность диктует личности нормы и правила политического действия, схемы восприятия, мышления, оценки, способы политической коммуникации, постановки и разрешения проблем.

В условиях трансформации общества формирование на основе ситуационной идентичности базисной идентичности имеет кризисный характер. Во-первых, человек, осознав свою ситуационную идентичность, может сознательно от нее отказаться, не принять ее. Во-вторых, человек может отрицательно относиться к своей социальной и политической позиции в обществе, формально с ней идентифицируясь. В-третьих, осознанная ситуационная идентичность может соответствовать одним и вступать в противоречия с другими ценностями, принятыми данным человеком. Таким образом, принятие личностью своей идентичности оказывается неполным. В-четвертых, в результате сложного взаимодействия политических агентов индивиду могут быть навязаны такие позиции, которые оказываются абсолютно незначимыми в понимании им своей личности. Наконец, политическая ситуация может сделать доминирующими менее значимые аспекты политической идентичности. Становление, функционирование и развитие базисной политической идентичности реализуется посредством постоянного разрешения кризисных состояний в самооценке политической позиции личности.

В рамках марксистской и неомарксистской методологии ключом к пониманию политической идентификации является

понятие классового сознания. Соотнесение экономического положения своего класса с его объективными потребностями лежит в основе выбора политической партии и политического (в том числе и электорального) поведения. Механизм формирования классового сознания включает в себя формирование объективного экономического интереса класса на основе потребностей, затем происходит его осознание; постановка целей, в том числе и политических, реализуется в практической борьбе за осуществление этих идей. Идеология считается высшей формой теоретического выражения коренных интересов определенного класса, наиболее развитой формой классового самосознания.

Развитие классового сознания включает в себя три уровня. На первом (типологическом) уровне представители социальной группы фиксируют свою “похожесть”, идентифицируя себя по внешним признакам. При этом осознание единства и общности интересов отсутствует. На втором уровне (идентификационном) появляется групповое самосознание общности условий жизни и деятельности, потребностей и интересов в первичной социальной общности (в кругу реальных социальных контактов). На третьем уровне (уровень солидарности) происходит осознание единства интересов и ценностей большей общности и своей принадлежности к ней.

На характер классового самосознания влияют такие факторы, как интенсивность внутригрупповых и межличностных коммуникаций индивида, уровень социальной мобильности группы, к которой объективно принадлежит данный человек, и количество социальных групп, к которым он себя считает принадлежащим.

Согласно марксистской методологии, классовое сознание обязательно находит свое выражение в политических учениях и программах. При этом признается, что в различных социальных общностях и группах (национальных, профессиональных, религиозных и т.д.) возникают особые интересы, которые могут находиться в противоречии с объективными интересами данного класса. Со временем происходит трансформация политических взглядов, поскольку классовое сознание отражает процесс смены состояний общества.

В рамках функционализма политическая идентификация рассматривается в контексте теории политической культуры. Политическая идентификация понимается в политологии как отождествление индивида с “обобщенным иным”, проявляющаяся в поведении символическая принадлежность к определенной группе. Политологи считают, что политическая идентификация рациональна по своей природе. Она выступает средством объединения и дистанцирования по отношению к другим людям, политическим организациям, институтам власти, позволяет ориентироваться в реальных и воображаемых структурах общества. Человек конструирует политическую реальность и свое место в ней по схеме “свои – в чем-то близкие – чужие – враждебные”.

В эмпирических исследованиях используют определение политической идентичности как “приятия или отвержения личностью определенных форм политической жизни”. Исследователи для анализа политической идентификации используют трехуровневую схему, включающую в себя идеологический, партийный и персонифицированный уровни. Большинство западных политологов рассматривают политическую (прежде всего партийную) идентичность как один из наиболее надежных показателей, позволяющих определить предпочтения электората в стабильных демократических странах. В этом направлении в течение нескольких десятилетий работают такие известные исследователи, как Эриксон, Кэмпбелл, Белкнап, Франклин, Ройнс, Дэлтон, Фиорина, Шивели. Изучение политической идентичности жителей европейских стран проходит в рамках программ Евробарометра и Европейской группы по исследованию ценностей.

Среди эмпирических индикаторов, активно используемых для изучения политической идентификации граждан в Европе и США, наиболее востребованными являются следующие:

- тестирование по методу неоконченных предложений (“Кто я? Какой я?”, “Люди в нашей стране делятся на... и...”);
- оценка совпадения интересов (“Какая из политических партий или организаций, представленных ниже, в наибольшей степени выражает интересы таких людей, как Вы?”);
- самооценка по шкале “правые–левые” (“Оцените свое местоположение по шкале “левые–правые”);
- близость политической позиции (“Можете ли Вы сказать о себе, что Вы (Ваша политическая позиция) близки к какой-либо партии? Если да, то ощущаете ли Вы себя очень близким, достаточно близким или просто симпатизирующим этой партии?”);
- готовность отдать свой голос за партию (при проведении опросов, достаточно далеко отстоящих от выборов).

Отметим, что прямое заимствование концепций и методик изучения политической идентичности, разработанных зарубежными авторами, вызывает определенные сложности.

Политическая идентификация наших сограждан характеризуется некоторыми особенностями. Она осуществляется посредством идентификации в большей степени не с движением, партией или идеологией, а с персоной, лидером. Наблюдается тяготение людей к крайним позициям политического спектра. Значительным остается количество граждан, не способных однозначно определить свои политические предпочтения. Сохраняется неустойчивость политических идентификаций граждан. Значительное количество людей, ощущающих свою социальную ущемленность, идентифицируют себя с помощью негативной модели.

Негативная идентификация в кризисном обществе выполняет мировоззренческую и компенсаторную функции, она наиболее характерна для низкостатусных групп. Отношение к представителям другой политической ориентации как к врагам включает в себя психологическое неприятие, отторжение, предполагает агрессивность поведения, направленного на устранение противника. Оно проявляется в разговорном языке, в системе образов, стереотипов, идеологических шаблонов и штампов, которыми оперирует массовое сознание. Негативная идентификационная модель характеризуется использованием конфронтационной и построением высказываний методом “от противного” (“Такие люди, как Н., не могут...”, “Я никогда не буду...”).

И еще несколько слов о конкретных методиках исследования идентичности. В когнитивной психологии они построены на выборе социальных категорий, с которыми себя отождествляет респондент (условно называем «мы-идентификации»). Респондента просят выразить свое мнение относительно различных социальных групп: «В жизни мы встречаем разных людей. С одними быстро находим общий язык, легко их понимаем, другие же нам чужие, хотя живут рядом с нами. Сейчас Вам будут называть разные группы людей. Как часто Вы чувствуете, что они Вам близки, о каких вы можете сказать – это Мы?».

Методика, предложенная польскими учеными, направлена на выявление личностной самоидентификации (условно назовем «я-идентификация»). Она состоит в следующем. Респондент отбирает из 41 предложенных категорий наиболее подходящие для него. Процедура отбора такова: Респонденту дают карточки, на которых указаны различные характеристики (например, молодой, рабочий, отец) и просят разложить их в две стопки. В одну те характеристики, которые, по мнению респондента относятся к нему, в другую – которые к нему не относятся. Затем респондент должен выбрать из отобранных карточек самую важную для него, далее – самую

важную из оставшихся, затем следующую наиболее важную и так далее.[9]

Таким образом, для каждого респондента получался определенный набор релевантных ему характеристик, ранжированных по степени их значимости.

Психологический механизм отбора мы-идентификаций во многом аналогичен механизму отбора самохарактеристик – в обоих случаях задействуются когнитивные структуры психики человека. Однако, в отличие от отбора карточек, где респондент актуализирует свое внимание на самом себе и “примеряет” к себе названные категории, в вопросе о «мы-идентификациях» акцент смещается на отношение респондента к другим – окружающим его людям, группам или воображаемым сообществам, соотнося себя с которыми, он определенно чувствует близость или отторжение предложенных групп и общностей. При этом подключаются еще и эмоциональные структуры.

Таким образом, в основе процедуры отбора карточек лежит применение социальных категорий к себе, а в основе отбора групп – соотнесение себя с группами – социальными категориями. «Я-идентификации» – это группы принадлежности (groups of belongingness), «Мы-идентификации» – группы отношений (groups of references). «Я-идентификации» – это самоопределение в структуре социальных ролей и статусов. «Мы – идентификации» – это самоопределение в социальных связях и общностях.

В списке предлагаемых определений опрашиваемые могут найти разные категории: национальные, государственные, связанные с конкретным регионом, полом и семьей, религией, политикой, возрастом, профессией, социальным слоем, а также несколько психологических характеристик.

Что касается выбора коллективных идентификаций, то здесь идет речь об отношениях индивида с определенными группами сообществами. По сути, что человек выбирает в качестве близкой общности, и является для него значимым социальным образованием. В выбранных группах он видит возможные ресурсы или актуализированные сферы своей жизни.

Понятно, что главными социальными ресурсами, актуализируемыми в сознании большинства населения, остаются персональные сети потому, что круг знакомых и близких вызывает доверие и чувство защищенности перед лицом, например, чиновников из государственных органов или разнообразных анонимных «субъектов» вроде банков и корпораций, а также неконтролируемых событий в глобальном мире. Этот факт можно понимать и как проявление потребности в годы

радикальных перемен в присущих общинному укладу взаимоотношениях. Фердинанд Теннис был прав, рассматривая общность в качестве источника социальной стабильности. Персональные сети – основной ресурс адаптации к переменам.

Изучение политической идентификации позволяет оценить не только шансы политической партии или политического лидера на выборах, но и степень стабильности государственной власти в целом. Это важный индикатор развития социальных отношений и формирования социальных структур. Наибольшую значимость процесс идентификации приобретает в ходе политической социализации молодежи и ресоциализации людей среднего и старшего возраста, поскольку включает в себя анализ разнообразных моделей поведения, адаптационных стратегий, социальное позиционирование и оценку. Таким образом, индивид получает представление не только о целостной картине социума, но и видит свою включенность в контекст социально-политических отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Touraine A. Production de la societe. Paris, 1973, p. 360
2. В. А. Ачкасов Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999 год, выпуск 2. – [Электрон. ресурс] – 02 октября 2005. – Режим доступа: <http://hq.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/1/8achkas.html>
3. Ellenberger H.F. The discovery of the Unconscious: Basic Books. N.Y., 1970, p. 528
4. Erikson E. Insight and Responsibility. N.Y., 1964, p. 203-204
5. Mead D.G. Mind, Self and Society. Chicago, 1936.
6. В. А. Ачкасов Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999 год, выпуск 2. – [Электрон. ресурс] – 02 октября 2005. – Режим доступа: <http://hq.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/1/8achkas.html>
7. Образ общества в постмодернистской социологии // [Электрон. ресурс] – 11 октября 2005. – Режим доступа: <http://chemnet.ru/rus/teaching/sociology/5.html>
8. Проблемы исследования политической идентичности // [Электрон. ресурс] – 11 октября 2005. – Режим доступа: <http://politanalysis.narod.ru/popova1.html>
9. Данилова Е.Н. Россияне и поляки через призму социальных идентификаций // [Электрон. ресурс] – 01 октября 2005. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/phpBB2/viewtopic.php?t=9&start=0&postdays=0&postorder=asc&highlight=&sid=f76f47b2246bec8eac0af025819bc896>.

УДК 316.7

Брестская О.Ю.

ПРОЦЕССЫ СТИГМАТИЗАЦИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ И. ГОФМАНА

"Весь мир – сцена, а все люди – просто актеры, у них есть время выхода на сцену и исчезновения с нее, один человек играет несколько ролей..." – этот парафраз Шекспира стал афоризмом в социологии, благодаря Ирвингу Гофману, американскому социологу XX века, научное наследие которого пока что мало изучено не только в Беларуси, но и в целом в Восточной Европе.

Факт неширокой известности творчества Гофмана в русскоязычном пространстве связан, в первую очередь, с тем, что на русский язык была переведена только одна книга Гофмана "Представление себя другим в повседневной жизни", изданная в 2000 году. За последние несколько лет в российских

печатных и электронных социологических журналах появились также переводы отдельных глав книг Гофмана "Стигма" и "Анализ фреймов".

Интерес к творчеству Гофмана возрастает, начиная с последнего десятилетия XX века. Его книга «Представление себя другим в повседневной жизни» включена в список десяти «Книг двадцатого века» Американской социологической ассоциации наряду с книгами М. Фуко, М. Вебера, Ч. Райта Миллса, Р. Мертона, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, Н. Элиаса, Н. Лумана и др. Она постоянно переиздается (ее суммарный тираж превышает полмиллиона экземпляров), она входит в университетские программы, переведена на десятки языков.

*Брестская О.Ю., Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина.
Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.*